РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Каира Ю.В., Михалев И.В., Ряжская Т.В.



СОЦИОЛОГИЯ РИСКА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ББК 60.52я73
К 15

Рекомендовано к изданию ученым советом Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС

Рецензенты:
Батанина Ирина Александровна *– доктор политических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Тульского государственного университета, заведующая кафедрой социологии и политологии.*
Домбровская Анна Юрьевна *– доктор социологических наук, профессор Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ*

К 15 **Каира Ю.В., Михалев И.В., Ряжская Т.В.**
Социология риска: Учебное пособие. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 160 с.
ISBN 978-5-93179-678-9

В учебно-методическом пособии дано последовательное изложение курса «Социология риска», раскрываются его ключевые понятия. Отражены теоретические и прикладные особенности социологического изучения риска как социального феномена.

В пособии находит подробное описание теорий и концепций исследования риска в социологии. В пособие анализируются социологические подходы к определению риска, объективные факторы риска, субъективные факторы риска, приводится классификация и типология рисков, приводятся механизмы и технологии оптимизации рисков, социологические мероприятия по оптимизации рисков.

Каждая тема содержит вопросы и задания, которые можно использовать на семинарских и практических занятиях в вузе и для самостоятельной работы студентов.

Учебное пособие предназначено для магистров, аспирантов и исследователей, занимающихся изучением социальных рисков.

ББК 60.52я73

© Коллектив авторов, 2021.
© Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021

ISBN 978-5-93179-678-9

Содержание

Введение 4

Раздел 1. Теории и концепции исследования риска в социологии.....7

Задания на проверку сформированных компетенций.....22

Раздел 2. Социологические подходы к определению риска 25

Задания на проверку сформированных компетенций.....48

Раздел 3. Классификация и типология рисков.....51

Задания на проверку сформированных компетенций.....71

Глава 4. Объективные факторы риска 74

Задания на проверку сформированных компетенций.....90

Раздел 5. Субъективные факторы риска.....93

Задания на проверку сформированных компетенций.....107

Раздел 6. Механизмы и технологии оптимизации рисков.....110

Задания на проверку сформированных компетенций.....138

Раздел 7. Социологические мероприятия по оптимизации рисков 142

Задания на проверку сформированных компетенций.....156

Раздел 1. Теории и концепции исследования риска в социологии

Методические рекомендации для изучения Раздела 1. Изучение направлено на формирование следующих компетенций:

УК – 1. Способность осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий

ПК – 1. Способность и готовность использовать знание методов и теорий социальных и гуманитарных наук при осуществлении экспертной, консалтинговой и аналитической деятельности

В результате освоения материала учащиеся должны:

– знать теоретические основы исследования риска в социологии;

– уметь осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода;

– владеть навыками применения методов и теорий социальных и гуманитарных наук при анализе рисков;

– владеть навыками самостоятельной работы с рекомендуемыми источниками и литературой.

Социология риска возникла как самостоятельная отрасль социологического знания, когда в обществе появилось осознание того, что все изменения и достижения НТП носят достаточно спорный и противоречивый характер и несут реальную угрозу дальнейшему существованию и развитию социума.

Впервые о необходимости научного исследования рисков заговорили в XX веке. В качестве примера можно привести исследования риска информационной изоляции, проводимые в районах Австралии, учеными социологами, с целью разработки программы общественного развития. Данные исследования носили единичный характер. Выделение же социологии риска в самостоятельную отрасль научного знания начинается с конца 60-х – начала 70-х годов. Первые исследования рисков начинают проводить американские ученые, и они касались именно рисков связанных с техногенными катастрофами. Видимо в период индустриального развития общества, когда наиболее ярко проявлялся антропоцентризм люди стали замечать, что очень многие прогрессивные изменения имеют свою «обратную» сторону. Речь шла о том, что многие достижения НТР как показала время, наносили невосполнимый ущерб экологии. Данные исследования, начавшиеся в США, в последующим подхватили европейские социологи[1].

На новый институциональный уровень социология риска выходит в 80-е гг. Именно в это время появляются Международное общества

[1] Зубков В.И. Социологическая теория риска. М.: Издательство Руди, 2003. 228 с.

анализа риска, а в дальнейшем его место займет Римский клуб члены которого не просто заговорят о рисках, но и их необратимых последствиях, которые назовут глобальными проблемами, затрагивающими все человечество. Пионерам социологии риска можно считать У. Бек и Э. Гидденс. Именно с научных докладов о социальных рисках данных исследователей на Всемирном конгрессе социологов в 1994 году социология риска прочно войдет в научную мысль.

В последние несколько десятилетий выпускаются множество журналов, посвященных исследованию риска, и именно социологическим исследованиям риска. С конца 90-х годов в нашей стране также выпускаются периодические издания посвященные социологическому анализу риска.

Несколько слов о степени научного рассмотрения социологии риска.

На макроуровне глобальные, техногенные риски исследуют У. Бек, Э. Гидденс, К. Лау, О. Яницкий и др.

В социально-философском контексте риск анализируют А. Альгин, Н. Решер, Н. Смакотина и др.

С точки зрения социальной безопасности риски исследуют в своих работах У. Бек, Ч. Старр, Д. Дюкло, П. Лагадек, В. Кузнецов и др.

Экологические риски анализируют К. Пеланда, О. Яницкий, А. Мозговая, С. Лэш, А. Мол и др.

В рамках социологической теории катастроф риск исследуют К. Перроу, Э. Карантелли, К. Пеланда и др.

Анализируют различные подходы и отношения к риску в различных этнических сообществах О. Ренн, А. Вилдавски, В. Ковелло, М. Дуглас, К. Дейк.

Вопросы коммуникации, связанные с риском, поднимают в своих работах Д. Фишер, К. Виппл, В. Ковелло, П. Словик и др.

В различных сферах общественной жизни (в аграрном секторе. на промышленном производстве т.п.) риски изучают Дж. Шорт, А. Альгин, Л. Кларк, П. Друкер, Н. Луман, В. Ковелло, О. Ренн, Т. Хоуп, Дж. Ромассет и др.

Риски, связанные с состоянием здоровья людей исследуют С. Картер, А. Гриньер, Дж. Гейб, Л. Шилова и др.

Таким образом, видно, что спектр заявленной проблематики достаточно широк.

Предметное поле социологии риска включает в себя следующие аспекты:

– анализ риска как социального явления (его сущность, содержание, генезис природы риска и отношения к нему, социальные функции риска);

– классификацию и типологию рисков по различным основаниям;

– анализ современных глобальных (технологических) рисков и определение путей их снижения;

– изучение роли рисков в социальных конфликтах и катаклизмах;

– изучение взаимосвязи риска и девиантного поведения;

– анализ коммуникаций по поводу риска;

– анализ рисков в различных обществах, культурах, в различных сферах и на различных уровнях социальной организации (детерминация рисков, отношение к ним, их влияние на функционирование и взаимодействие социальных структур, типологии поведения различных субъектов риска, социальные последствия рисков, пути их оптимизации);

– социальный риск-менеджмент.

Обозначенная проблематика по-разному освещена в современных исследованиях. Какие то направления разработаны в достаточно полной степени, а какие-то, напротив, только завалены и нуждаются в подробном изучении.

С методологической точки зрения можно выделить три подхода к исследованию риска: *поведенческий, постмодернистский и перцептивистский.*

Поведенческий подход к изучению риска Н. Лумана.

В своей фундаментальной работе «Социология риска», Никлас Луман дает логическое обоснование феномену риска[2]. Одним из ключевых понятий его социологии является понятие комплексности, предполагающей буквально неограниченные возможности установления взаимосвязей между различными элементами социальных систем. Это значит, что постоянно имеется больше возможностей для переживания и действования, чем может быть актуализировано. Выбор среди множества возможностей есть «редукция комплексности». Осуществление таких операций селекции означает, что все существующее могло бы быть иным. Возможность быть по-другому, не необходимостью сущего Луман выражает через понятие контингентности. Такое понимание вероятностного характера реальности приводит ученого к проблеме риска, и риск становится для него фундаментальной категорией, одной из основных характеристик социальной действительности. Вынужденность выбора из множества альтернатив означает неопределенность будущего. Поэтому, по Луману, нет поведения, свободного от риска. Понимание же этого факта в обществе должно повысить ответственность за принимаемые решения.

В определении риска Луман следует логике исчисления форм Дж. С. Брауна, в соответствии с которой исследователь должен оперировать

[2] Луман Н. Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5. С. 135–160.

не объектами, а различениями. Дело в том, что каждый исследователь может иметь свои смысловые измерения (предметное, временное и социальное) изучаемых объектов, а это ведет к субъективации получаемого знания. Поэтому только благодаря различиям возможно определить то, что должно быть наблюдаемо. В свою очередь различение возможно только внутри формы объекта. Чтобы разрешить эту проблему, нужно подняться на уровень наблюдений второго порядка (наблюдения за наблюдателем).

Следуя этой методологии Н. Луман разводит два типа различения. Первый тип обозначает что-либо в противовес всему остальному. То, что определяется таким видом различения, Луман именует объектом. Второй тип отграничивает то, что рассматривается на противоположной стороне различения (например, мужчина/женщина, право/бесправие и т.д.). Результатом такого различения является понятие[3].

О риске говорят в тех случаях, когда может быть принято решение, без которого не возникло бы ущерба. Для понятия, по Луману, не имеет значения, воспринимает риск сам решающий как следствие своего решения или риск ему вменяют другие; не важно и то, в какой момент времени это происходит. Самое главное для понятия, как его определяет социолог, состоит лишь в том, что контингентный ущерб сам причиняется контингентно, то есть его можно избежать. Тогда весь мировой опыт становится контингентным. При наблюдении второго порядка выбор остается открытым: можно считать некоторые характеристики признаками мира, но можно и вменять их наблюдателю. Иными словами, мир таков, каким его видит наблюдатель. Поэтому требование контингентности, согласно Луману, с необходимостью должно присутствовать в понятии.

Для определения риска Луман использует два различения: «риск/надежность» и «риск/опасность».

Рассматривая первое различение, он пишет, что противопоставление этих категорий очень распространено. Но если обратиться к опыту экспертов, то можно увидеть, что абсолютная надежность недостижима. Поэтому эксперты чаще используют понятие «риск» для математического уточнения величины разумно достижимого, что приводит к универсализации понятия. Однако

[3] Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; N.Y., 1991. Цит. по: Буржуазная социология на исходе XX века: критика новейших тенденций / Отв. ред. В.Н. Иванов. М., 1986. С. 156.

эксперты по надежности являются наблюдателями первого порядка. Они верят в факты, для них факты и есть реальный мир[4].

Но для наблюдателя второго порядка проблема состоит в том, что нечто, считающееся разными наблюдателями одним и тем же, продуцирует для них совершенно разную информацию.

Чтобы удовлетворить обоим уровням наблюдения, Луман переходит к паре риск/опасность. Это различение предполагает, что если будущий ущерб может быть рассмотрен как результат процессов в окружающей среде, то речь идет об опасности. При ущербе же, как следствии решения, мы говорим о риске, а вернее о риске принятия решения.

Таким образом, оба противоположных риску понятия необходимы для уточнения сути этого феномена. Различение «риск/надежность» раскрывает проблему измерения, различение «риск/опасность» подчеркивает, что применительно к риску определенную роль играет решение. Опасности же – это то, чему некто подвергается.

Исследования Н. Лумана достаточно широки и многоаспектны. Ученый проводит исследования риска и рискогенных ситуаций во всех сферах общественной жизни.

Он говорит, что «гигантские шаги общественного прогресса ведут общество к высоким рискам во всех сферах общественной жизни». И нет области, где бы эти социальные риски, не носили всеобъемлющий глобальный характер.

Социолог справедливо считает, что при попытке решить проблемы техники техническими средствами техносфера все более «обогащается комплексностью». Выход из положения – изменение структурных связей в социальных системах. Однако поскольку практически изменить эти связи очень трудно, ученый приходит к печальным выводам. Он пишет: «социальные системы, имеющие дело с техникой, попадают в структурный дрейф и используют опыт, привычки, аргументы прошлого пока не произойдет нечто неожиданное. После этого начнутся поиски виновных, изменятся предписания, но не структурные связи, которые приведут к повторению случившегося»[5].

Рассуждая о политике, ученый относит ее к сфере, деятельность, в которой сопряжена с постоянными рисками, так как связана напрямую с необходимостью постоянного принятия управленческих решений[6]. Невер-

---

[4] Филиппов А. Ф. Н. Луман. Наблюдение современности // Социологический журнал, 1994, №1. С. 186.

[5] Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; N.Y., 1991. Цит. по: Буржуазная социология на исходе XX века: критика новейших тенденций / Отв. ред. В. Н. Иванов. М., 1986. С. 156.

[6] Филиппов А. Ф. Теоретические основы социологии Н. Лумана (Крит. анализ). Автореф. дис. … канд. филос. н. / АН СССР. Ин-т социол. исслед. М., 1984.

но принятое решение может повлечь серьезные социальные конфликты, повышения уровня социальной напряженности, которые впоследствии могут вылиться в акции массового протеста, митинги и забастовки.

В экономической сфере общественной жизни также имеются свои социальные риски. Н. Луман связывает их с инвестированием и кредитованием, а основные механизмы от них связывает с инфляцией и дефляцией. Таким образом в экономической сфере основным социальным институтом подвергающимся постоянным социальным рискам являются банки и вся банковская система.

Организации, с точки зрения Н. Лумана, – это формально организованные системы, основой которых является вопрос о членстве. Важная особенность деятельности организаций – необходимость производства большого количества решений, для чего рекомендуется создание иерархии последних. Готовность к риску лиц, принимающих решения, связана с оценкой ими своей компетентности, надеждой на технологии безопасности и профессиональной культурой. В наибольшей степени рисковым нагрузкам противостоит бюрократическое поведение. Эффективность же управления организацией, по Луману, определяется не объемом рисков, которых удалось избежать, а соотношением предусмотренных и непредусмотренных рисков.

Постмодернистские концепции риска У. Бека и Э. Гидденса.

Данная концепция валяется попыткой, которую ученые предпринимают для переосмысления и переоценки процессов, происходящих в современной социальной реальности, которая развивается с постоянно ускоряющими темпами и скорость прогресса которой скоро будет просто невозможно отследить. Общественное развитие, так неспешно происходившее на протяжении всей истории человечества, в последние десятилетия приобрело астрономическую скорость. В индустриальный период развития общества все достижения человечеств казались тем инструментом, с помощью которого человек одерживал победу над силами природы и внешними факторами, а последствия этих достижений вообще не принимались во внимание. Но впоследствии побочные эффекты от этих достижений начинают принимать просто угрожающие масштабы. Об обществе риска можно говорить, когда производство рисков начинает преобладать над производством благ, а сами риски перестают поддаваться контролю. Если индустриальное общество структурируется вокруг производства благ, то общество риска – вокруг обеспечения безопасности.

Основные положения теории риска Ульриха Бека можно представить в виде следующих тезисов[7].

[7]Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; Посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

1. Риски, которые имеются в современном обществе не представляют собой что-то сверхъестественное или неподдающееся логическому объяснению.

В одной из своих работ У. Бек пишет, что «Социальные риски внутренне присущи процессу модернизации, отличаются своим «нормальным рождением», или, точнее, «мирным происхождением» в мировых центрах рациональности и процветания подсенью закона и порядка». Они являются результатом коллективных решений «в пользу техноэкономических преимуществ и новых возможностей, основанных на трактовке опасностей просто как издержек прогресса... Кроме того, высокодифференцированному разделению труда соответствует всеобщее соучастие в преступлении, а этому соучастию – всеобщая безответственность».

2. Так как общество представляет собой социетальную систему, то и риски являются социетальными, то есть самовоспроизводящимися.

3. Постиндустриальные риски и опасности (прежде всего, ядерной войны и экологического загрязнения планеты) являются глобальными (в пространстве и во времени), неконтролируемыми и угрожают еще не рожденным поколениям. Они некомпенсируемы, к ним не применимы обычные процедуры калькуляции и возмещения ущерба (страхования). Поэтому общество риска есть общество неопределенности.

4. Риски поздней модернизации, как правило, невидимы, не воспринимаются органами чувств человека (например, радиация). «Органами» их восприятия являются научные теории и эксперименты. «Следовательно, риски – дело договоренности политиков и экспертов, то есть они – одновременно нечто реальное и нереальное. Нереальными они кажутся и по причине еще неизвестных кумулятивных последствий в будущем. В обществе риска прошлое теряет способность определять настоящее. На место прошлого выдвигается будущее, как некая фикция, являющаяся причиной сегодняшних переживаний и поступков. Поэтому необходимо смягчить проблемы сегодня, так как в будущем сделать это уже будет невозможно».

5. У. Бек не безосновательно заявляет: «В индустриальном обществе бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание (знание) определяет бытие. Последний факт поднимает вопрос о роли науки в обществе риска. С одной стороны, без науки рисков как бы не существует, что порождает веру в науку, с другой стороны, наука не может установить окончательных причинно-следственных связей (ведь абсолютная безошибочность вообще противоречит существу процесса научного познания), что порождает ее критику. Повышение же стандартов научности, настаивание на чистоте научного анализа до

минимума сужает круг признанных и требующих активного вмешательства рисков»[8].

Второй аспект проблемы заключается в разрыве между научной и социальной рациональностью. Наука «фиксирует» риски, население их «воспринимает». И эти оценки не совпадают, поскольку социальные определения рисков не зависят от их научной состоятельности. Например, беспрепятственное производство рисков изнутри подрывает авторитет предприятий с высокой производительностью труда, на которую ориентируется научная рациональность. Так при восприятии рисков рациональность обретает социальный характер, то есть становится вероятной или спорной.

Существуют и вопросы, на которые эксперты вообще не могут ответить. У. Бек заявляет: «научный рационализм без социального пуст, социальный без научного – слеп»[9].

6. Еще одно фундаментальное заявление У. Бэка звучит следующим образом: «Особенности производства и распространения современных рисков предполагают глубокие изменения во всей социальной системе: возникают новые ценности, жизненные стереотипы и формы социального действия, изменяется социальная структура. В индустриальном обществе его главной движущей силой является нужда, а идеалом – равенство. В обществе риска главной движущей силой является страх, а идеалом – безопасность. Так солидарность на основе нужды трансформируется в солидарность на основе страха. На первом этапе накопления рисков они распределяются по классовой схеме, только в обратном, нежели блага, порядке; богатства сосредоточиваются в верхних слоях, а риски – в нижних. Это усиливает классовое общество. У бедных к дефициту снабжения добавляется чувство неуверенности из-за избытка опасностей. Напротив, те, кто имеет высокие доходы и власть, могут купить себе безопасность и свободу от риска (качественное питание, надежное жилье, комфортный и безопасный автомобиль…)»[10]. Кроме того, сами риски (например, в промышленности) и контроль над ними могут приносить богатство, но только потенциально. У. Бэк уточняет: «Когда происходит катастрофа, все классовые преимущества и различия исчезают. В случае реализации вторичных рисков срабатывает «эффект бумеранга»: производители рисков становятся их потребителями. Таков

[8]Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. М., 2000. С. 38.

[9] Там же.

[10] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; Посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

же и механизм возникновения нового мирового неравенства. Однако, в конечном счете, нет никакого смысла располагать опасные производства в третьих странах. Мировое сообщество становится действительно мировым в смысле всеобщей подверженности глобальным опасностям. Осознание же этих опасностей в ряде случаев может грозить социальными катастрофами»[11].

7. В современном обществе до сих пор преобладает инструментальный (технический) подход к проблеме риска и отсутствует понимание того, что главным источником рисков являются сами процессы модернизации общества, процессы принятия решений как таковые. Во многом эта ситуация связана с противоречием между желанием получить прибыль и интересами собственности, которые двигают процесс индустриализации, с одной стороны, и многообразными грозными последствиями этого процесса, наносящими ущерб прибыли и собственности, с другой.

Проблему риска следует решать систематично и комплексно. Например, экологическая политика должна исходить из того, что в условиях современности граница между природой и обществом стирается. Природа становится сплошь искусственной, и ее существование в той или иной степени зависит от человеческой деятельности и в этом измененном виде воздействует на человека.

Сама природа трансформируется из внешней среды в некий внутри общественный фактор. Что делает бессмысленным противопоставление природного и общественного, характерного для 19-го века.

При решении экологических проблем нужно понимать, что традиционные методы защиты экологии с применением end-of-pipe технологий (защитные технологии применяемые на завершающем этапе производства) не срабатывают, в связи с чем нужно проектировать безвредное, а не обезвреживать вредное. Но поиск приемлемых технологий – это не самое главное. Гораздо более важными являются институциональные изменения в обществе, а они требуют политических решений. Однако такие решения могут ущемлять демократические права и рыночные свободы, поэтому общество риска, защищаясь от опасности, несет в себе тенденцию к «легитимному» тоталитаризму.

Таким образом, общество риска – это общество неопределенности, в котором вера в науку и прогресс расшатывается, жизненные стереотипы разрушаются, что требует их постоянного переопределения, а, следовательно, проблемы рефлексии и рефлективности выступают на первый план.

---

[11] Там же.

В теории рефлексивной модернизации проводится принципиальное различие между собственно рефлексией как социальным осознанием и осмыслением процессов, порождаемых обществом риска, и рефлективностью как столкновением общества с последствиями своего функционирования. В то время как социальная рефлексия подразумевает знание и осознание происходящих в обществе процессов, социальная рефлективность подразумевает незнание, то есть не осмысление проблем, а непроизвольное и незаметное столкновение общества с результатами своего развития, с рисками и опасностями, порождаемыми процессом модернизации. Именно «побочные эффекты», а не публичная или научная рефлексия, являются движущей силой рефлексивной модернизации, моторами социальной истории.

Рефлективность означает продуктивное, творческое саморазрушение и самоуничтожение индустриального общества, его непроизвольную, латентную «разборку и сборку». Рефлективность порождает глубокие социальные кризисы в позднее индустриальном обществе, в результате которых ключевые социальные институты теряют свои субстанциональные основания и историческую легитимность. В ходе рефлексивной модернизации индивиды становятся как никогда ранее свободными от структурных рамок и ограничений. Поэтому они должны переопределять эти рамки или даже изобретать заново общество и политику.

Под рефлексией же понимается социальное осознание и осмысление происходящих изменений. Она включает как публичную, так и научную рефлексию, наличие альтернативных оценок, профессиональных практик, а также дискуссии внутри организаций и профессиональных кругов по поводу собственного развития.

Социальная рефлексия – это процесс социального обучения, для которого первостепенное значение имеют сомнение и критическое отношение к происходящему.

По мнению У. Бека, современное общество недостаточно рефлексивно. Только в радикализации модернизации и рефлексии он видит выход из его институционального кризиса. «Рефлективность должна породить новую рефлексию – радикальную социетальную самокритику и самоограничение общества, а также его самоопределение и переопределение».

Социологическую концепцию исследования современного общества У. Бека во многом разделяет и продолжает развивать в своих работах Э. Гидденс[12].

12 Reflexive modernization. Politics, tradition and aesthetics inthe modern social order /Ed. by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Stanford, 1994.

Энтони Гидденс считает оценку (исчисление) риска способом «колонизации будущего», а это означает, что «весь мир будущих событий открыт для преобразования людьми в тех пределах, которые, насколько это возможно, устанавливаются в результате оценки риска»[13].

Э. Гидденс выделяет следующие особенности общественного развития:

– в современном обществе снижается доля рисков, выпадающая на население, общественная жизнь становится значительно комфортней и безопасней;

– риски становятся достаточно институционализированными и ограниченными;

– большинство рисков становятся контролируемыми;

– риски становятся более глобализированными;

– противодействие всех указанных факторов перепадам внутренне нестабильного «климата риска».

Все перечисленные особенности являются взаимосвязанными. Э. Гидденс поясняет их следующим образом: «Каждый человек для того, чтобы вообще существовать, нуждается в физической безопасности, что в наилучшей степени может быть обеспечено «нормальной» «предсказуемой» жизнью, которую конституирует рутинная (обыденная) практика индивидов. В процессе исторического развития рутинизация жизни и колонизация будущего обеспечивается созданием абстрактных систем, среди которых можно выделить деньги, разделение труда, коммунальные услуги, средства метеорологического мониторинга и многие другие. Так, электрический свет колонизирует время (ночь), торговля сезонными продуктами – пространство и т.п.»[14].

Данное высказывание является следствием разрабатываемой совместно с предшествующим автором концепции рефлексивной модернизации. Все абстрактные системы создают возможность стабилизировать жизненные условия, и поле безопасности обыденной жизни постоянно расширяется. Поэтому рефлексия риска непосредственно не связана с реальным увеличением грозящих жизни опасностей. В то же время рассуждая о месте риска в современном обществе необходимо отметить следующие особенности:

– построение абстрактных систем осуществляется путем технического вторжения в природу, ее «социализации», что в глобальном масштабе является мало управляемым (или просто неуправляемым) процессом с непредсказуемыми последствиями;

---

13 Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.

[14] Там же.

– следствием создания многочисленных (а возможно и избыточных) абстрактных систем является то, что в принципе ни один социальный субъект не может избежать их влияния, а, следовательно, и сбоев (практически недопустимых) в их работе;

– среда риска, перестав быть лишь сферой индивидуальных поведенческих актов, все более институционализируется, и появляются такие абстрактные системы (например, в рыночной экономике), где риск является основой их построения и функционирования, а не чем-то случайным или внешним. Это означает, что все люди, включенные в эти системы, хотят они того или нет, рискуют.

Все вышеперечисленные факторы ведут к снижению возможностей экспертизы происходящих и будущих глобальных событий, размыванию границ между добровольным и недобровольным риском и к иррационализации отношения к риску. Вместе с тем вторжение абстрактных систем и «динамичных» научных знаний в повседневную жизнь означает, что осознание риска проникает в деятельность практически каждого человека. Другими словами, действия социальных акторов (в частности по предупреждению нежелательных событий или по ликвидации их последствий) зависят от осознания ими тех или иных видов риска.

Перцептивистский подход к исследованию риска.

Наиболее рельефно и последовательно этот подход проводится в исследованиях «психометрической школы», а также в так называемых «культурных» теориях риска.

В рамках «психометрической школы» (П. Словик, С. Лихтенстайн, Б. Фишхофф и др.) риск изучается с точки зрения его восприятия респондентами. В ходе исследований установлено, что восприятие и осознание людьми риска зависит от очень многих социальных, социально-психологических и ситуативных факторов.

Так, например, выявлено, что различия в восприятии риска обусловлены социальным статусом респондентов. В этом аспекте наиболее многочисленные исследования были проведены для объяснения различий в восприятии риска между разными социально-профессиональными группами, а в более узком плане – между профессионалами в какой-либо области (экспертами) и непрофессионалами (населением). В большинстве случаев население считает риск более высоким, чем эксперты, в остальных, относительно немногочисленных, случаях наблюдается обратная картина.

Первое объяснение этим феноменам было связано с недоверием населения к экспертам по причине высокой степени неопределенности экспертных оценок и их недостаточной согласованности (особенно в случае с глобальными рисками, не поддающимися однозначному

описанию и калькуляции). Однако впоследствии была выявлена принципиальная неустранимость разногласий между специалистами и неспециалистами в силу различия степени их контроля над риском (о чем мы уже упоминали в контексте рассуждений о страхе). При этом последняя зависит не только от профессиональной компетенции, но и от добровольности или недобровольности риска, а также от его масштаба (последствий для индивида, группы или общества)[15].

Действительно, большинство исследований было посвящено изучению глобальных рисков (например, экологических), на которые люди не могут влиять. Поэтому такие риски и получают более высокие оценки у населения, чем у экспертов. В случае же малых или добровольных рисков наблюдается другой аспект недоверия населения экспертам: население отрицает риск, несмотря на то, что эксперты считают его высоким. Наконец, добровольные риски (например, курение) на личностном уровне оцениваются очень низко, но как угроза обществу – достаточно высоко. Другими словами, чем абстрактнее воспринимается риск (чем меньше он непосредственно касается конкретных индивидов и их ближайшего окружения), тем он кажется более высоким.

В свою очередь отношение к риску самих экспертов (профессионалов) также не одинаково. Они более толерантны к рискам и их воспроизводству в своей области специализации, чем в других областях. Однако все эксперты в целом несколько более толерантны к масштабным рискам, чем население. В основе такого отношения лежит не только уверенность экспертов в контролируемости ситуации (они – специалисты и обладают соответствующими знаниями), но также и их личная заинтересованность в своей профессиональной деятельности.

Наблюдается дифференциация восприятия риска в зависимости от этносоцильных и демографических признаков. Приведем ряд особенностей восприятия глобальных рисков:

– в случае аварии мужчины чаще чем женщины выражают желание покинуть место происшествия; та же взаимосвязь прослеживается между замужними и незамужними гражданами;

– женщины наиболее эмоционально воспринимают катастрофу и ее последствия нежели мужчины;

– чем выше уровень образования, тем более скептично население оценивает последствия произошедшей катастрофы;

---

[15] Елимова М. Ю., Мозговая А. В. Рискология и рисковая коммуникация: проблемы, методы, перспективы (по материалам зарубежных изданий) // Риск в социальном пространстве / Под ред. А. В. Мозговой. М., 2001. С. 83–84.